

ЗЕМЕЛЬНАЯ АРЕНДА В КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

Предпринята попытка системной оценки социально-экономической природы земельной аренды в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. Она основана на подворных материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. и современной математико-статистической методике.

В комплексе проблем аграрной эволюции Сибири конца XIX – начала XX в. важное место занимает вопрос о социально-экономической природе земельной аренды в крестьянском хозяйстве. Он один из ключевых в оценке степени аграрно-буржуазного развития края и поэтому достаточно широко и серьезно изучался историками-аграрниками [1. С. 402–411; 2. С. 102–118; 3. С. 126–137; 4].

В результате сложились две противоположных точки зрения. Согласно первой из них, в сибирской государственной и кабинетской деревне кануна 1917 г. преобладал мелкотоварный уклад и, следовательно, господствовала продовольственная аренда. Ведущее место она занимала и в зажиточном крестьянском хозяйстве. Большинство исследователей, однако, констатируя господство богатого крестьянина в сельскохозяйственном производстве края, квалифицируют его арендную деятельность как предпринимательско-капиталистическую.

Что касается первой точки зрения, то она, несомненно, страдает «теоретическим» подходом: характер аренды определяется типом господствующего в крестьянском (в том числе и зажиточном) хозяйстве мелкотоварного уклада, социальная природа которого в данной концепции четко и доказательно не квалифицирована. Теоретико-схоластические подходы в какой-то мере присущи и сторонникам другой концепции: часть из них выводит предпринимательский характер зажиточной аренды, основываясь на априорном тезисе о преобладании в крупном крестьянском хозяйстве края капиталистического способа производства. Но все же «солью» концепции стали представительные массовые данные о предпринимательских мотивах и факторах в арендной и производственной деятельности состоятельных крестьян. К ним, прежде всего, следует отнести расширяющиеся масштабы товарного производства, введение элементов интенсивных систем земледелия, применение усовершенствованного инвентаря и сельскохозяйственных машин и широкое использование труда наемных работников. Отдельные исследователи вводили и количественные критерии капиталистической аренды [4. С. 125]. Однако для исчерпывающего решения проблемы всего этого оказалось недостаточно, поскольку не были учтены роль производственных, потребительских факторов зажиточной аренды и их соотношение с предпринимательскими мотивами. Это в значительной степени обуславливалось отсутствием в арсенале аграрников целостно-системных методов и исследовательских методик.

Таким образом, дальнейшая разработка избранной проблемы должна заключаться, во-первых, в целостном подходе к изучению крестьянской аренды и, во-вторых, в точном измерении соотношения в ней произ-

водственных и потребительских факторов, построенном на эффективной методике. В итоге это дает более достоверные и доказательные средства для оценки особенностей и степени буржуазной эволюции крестьянского хозяйства края. Попытка достичь этих целей и составляет содержание настоящей статьи.

Крестьянское хозяйство было социально-экономической и культурной системой с присущей ей структурной и функциональной целостностью. Поэтому его следует изучать целостно-целостно, как структуру взаимосвязей между существенными элементами. По мере вовлечения в буржуазные, рыночные отношения и развития по этому пути крестьянское предприятие все более подчинялось объективным закономерностям товарного производства и рынка в лице закона стоимости и конкуренции. В результате формировалась все более тесная сбалансированность между главными компонентами производственно-технической базы хозяйства (посев, лошади, коровы и др.) и устанавливался определенный рыночный тип производственного строя. И чем сильнее была взаимосогласованность в изменениях производственно-технических элементов, тем сильнее – вовлечённость крестьянского двора в рыночные отношения. Арендная деятельность была частью данной хозяйственной системы.

Общественно-хозяйственный характер аренды определялся типом социально-экономического строя хозяйства. Следовательно, рассмотрев структуру взаимосвязей аренды с другими компонентами экономики крестьянского двора и измерив в случае надобности соотношение воздействовавших на нее причин (факторов), можно выявить ее общественно-экономическую природу и далее определить общественный характер изучаемого типа крестьянского хозяйства [5. С. 136].

В качестве источниковой основы были избраны подворные материалы всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии, которые охватывают две трети крестьянских хозяйств Западной Сибири. Сохранилось примерно 250–350 тыс. подворных карточек, что составляет 35–50% от генеральной совокупности в 680 000 ед. [6. Д. 1–211]. Программа обследования отразила практически все стороны крестьянского хозяйства: население, семейную и наёмную рабочую силу, землепользование, аренду земли, посевы, рабочий и продуктивный скот. Поэтому его данные вполне позволяют изучить внутренних, социальных и производственно-экономических строй западно-сибирской деревни начала XX в.

Из совокупности имеющихся подворных карточек была сделана типическая выборка двух соседних волостей зерновой специализации [6. Д. 5, 11, 22]. В качестве типических критериев были взяты средние подворные данные по посевам, рабочим лошадям, молоч-

ным коровам, семейным работникам, плугам, усовершенствованному инвентарю, мельницам и маслодельским заведениям. Учитывались и природные условия. Затем из совокупности дворов типических зерновых волостей (6 тыс. дворов) для обработки на ЭВМ была осуществлена случайная выборка объемом в 422 ед.

Попавшие в эту выборку крестьянские хозяйства были разделены на 5 групп (основные и переходные). I группа – беспосевные; II – с посевом до 5 дес.; III – с посевом от 5

до 10 дес.; IV – с посевом от 10 до 15 дес. и V – с посевом более 15 дес. Некоторые отличия этой группировки от общепринятой связана с рыночной специализацией выборки. Средние подушевые размеры хозяйства в каждой из выделенных групп показаны в табл. 1.

Отобранные хозяйства зерновой рыночной специализации были подвергнуты корреляционному и регрессионно-факторному анализу. Обратимся к результатам корреляционной обработки подворных данных переписи.

Т а б л и ц а 1

Обеспеченность основными средствами производства и рабочей силой хозяйств зерновой специализации

Показатель на душу населения	Группа хозяйств					В целом
	I	II	III	IV	V	
Семейные работники, чел.	0,53	0,53	0,46	0,53	0,51	0,51
Наемные работники, чел.	0,005	0,01	0,02	0,03	0,09	0,02
Тягловый скот, кол-во голов	0,25	0,5	0,75	0,9	1,0	0,7
Коровы, кол-во голов	0,3	0,4	0,45	0,5	0,6	0,45
Продуктивный скот, кол-во голов	0,5	0,6	0,7	0,8	1,0	0,7
Площадь посева на своей земле, дес.	0	0,7	1,5	2,1	3,3	1,4
Площадь посева на арендованной пашне, дес.	0	0,1	0,1	0,2	0,4	0,2
Общая площадь посевов, дес.	0	0,8	1,6	2,3	3,7	1,6
Численность семьи, чел.	3,7	3,9	5,4	6,0	7,3	5,1
Кол-во дворов в группе, шт.	43	141	123	53	62	422

Чтобы правильно и четко интерпретировать полученные корреляционные модели аренды, необходимо уточнить наши сущностно-содержательные представления об арендных отношениях в дореволюционной сибирской деревне.

Аренда земли выражала собой процесс отделения земли как условия сельскохозяйственного производства от земельной собственности и подчинения ее капиталистическому способу производства и являлась, следовательно, формой буржуазной мобилизации земли [7. С. 166–167]. Вызывалась она потребностями товарно-капиталистического производства, функционировавшего в условиях развитой земельной собственности и формирующейся монополии на землю как на объект хозяйства. В Западной Сибири конца XIX – начала XX в. отмеченные обстоятельства определенно сложились. Здесь существовала достаточно развитая собственность на землю Казны и Кабинета, и происходил процесс становления хозяйственной монополии на землю, обусловленный развитием в крестьянском хозяйстве региона буржуазной системы хозяйствования. Это привело к возникновению относительной земельной тесноты и развитию арендных отношений. В западно-сибирской деревне господствовала денежная форма аренды. Издольщина была малораспространенной [8. С. 67; 9. С. 63; 10. С. 91; 11. С. 130].

В условиях господства товарно-денежных отношений и подчинения им аренды в качестве арендатора мог выступить любой владелец денег (капитала) независимо от их размера, будь то богатый крестьянин или мелкий товаропроизводитель. Это общее обстоятельство отражало тот факт, что во всех социальных типах крестьянского хозяйства обращение к аренде было следствием потребностей производства [12]. Сама же природа данных потребностей обуславливалась характером внутреннего строения той или иной категории крестьянского хозяйства и

целью ведущегося в этом хозяйстве товарного производства. Собственно капиталистическое или предпринимательское по тенденции хозяйство, функционировавшее на расширенной основе, имело целью извлечение прибавочной стоимости в форме прибыли. Поэтому аренда в нем приобретала предпринимательский (коммерческий) характер. В потребительском мелкотоварном крестьянском хозяйстве аренда осуществлялась с целью производства необходимого продукта, в связи с чем она принимала продовольственный характер.

В основе коммерческой аренды лежали потребности ведущегося в расширяющемся масштабе предпринимательского земледельческого хозяйства, поэтому ее уровень и размеры определялись экономической мощностью двора. Размер аренды с полной правильностью возрастал по мере большего обеспечения крестьян землей. Такой земельной аренде соответствует корреляционная модель, в которой показатель аренды имеет устойчивые прямые взаимосвязи с основными элементами производственно-технической базы (рабочим и продуктивным скотом, инвентарем и т.д.) и наймом.

Аренда пашни с продовольственной целью вызывалась нехваткой своей земли. В этом случае в корреляционной модели аренды должна присутствовать и доминировать обратная (отрицательная) взаимозависимость между посевом на арендованной пашне и посевом на собственной земле. Взаимосвязь аренды с рабочим скотом и мертвым инвентарем не исключается, поскольку снимать землю могли преимущественно обеспеченные сельские хозяева.

Полученные содержательные (теоретические) модели предпринимательской и продовольственной аренды будут маяком в дальнейшем анализе реальных арендных отношений, сложившихся в западно-сибирской деревне накануне 1917 г. С этой целью обратимся к результатам корреляционного анализа земельной арен-

ды в различных социальных группах крестьянского хозяйства региона, осуществленного на основе ото-

бранных подворных данных сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии (табл. 2).

Таблица 2

Взаимосвязи площадей арендованного посева на душу населения с другими характеристиками крестьянского хозяйства зерновой специализации (коэффициент 0,...)

Показатель	Группа хозяйств				
	II	III	IV	V	В целом
Тягловый скот на 1 душу	-17	12	39	28	25
Посев на надельной пашне, на одну душу	-38	-38	-20	-15	3
Посев на всей пашне, на одну душу	-8	27	42	43	46
Наемные работники, на одну душу	0	-4	36	44	46
Доля наемных рабочих	4	3	34	45	56
Надельный посев на 1 двор	-50	-68	-73	-34	5
Арендванный посев на 1 двор	94	87	96	95	93
Доля арендованного посева	9	9	97	89	73
Тягловый скот на 1 семейного работника	-14	-5	28	42	44
Общая площадь посева на 1 семейного работника	0	-1	30	46	45
Посев на 1 голову взрослого продуктивного скота	10	-1	0	32	21
Семейные рабочие на десятину посева	10	-4	-25	-36	-10
Уровень значимости	14	15	23	21	14

Среди корреляционных коэффициентов аренды в крестьянских хозяйствах зерновой рыночной специализации сразу же привлекают внимание те, которые характеризуют направление и тесноту взаимосвязей между посевом на арендованной пашне и посевом на надельной земле в хозяйствах бедняков (II группа) и середняков (III группа). Согласно им в данных группах выделенная взаимосвязь была обратной и очень тесной (-0,50; -0,68; -0,73). Это, безусловно, свидетельствует о единой потребительской природе аренды в полупролетарских и середняцких дворах.

Однако общий продовольственный характер аренды в хозяйствах рассмотренных социальных групп западно-сибирского крестьянства не означает, что в ней не было различий. Они – следствие разной силы проявления предпринимательских черт. Так, в полупролетарской второй и середняцкой третьей группах совершенно отсутствуют какие-либо моменты, указывающие на предпринимательство в арендных отношениях: взаимосвязи арендованного посева на душу с рабочим скотом и уровнем обеспеченности нанятыми работниками здесь либо не значимы, либо весьма слабы. Более того, в группе с посевом до 5 десятин взаимосвязь между тягловым скотом и посевом на арендованной пашне имеет отрицательное значение (-0,17). Это указывает на абсолютно вынужденный, «голодный» характер аренды в низшей группе крестьянства, когда к съемке пашни под посев прибегали, даже не располагая в должной мере рабочими лошадьми и инвентарем. Поэтому такой аренде земли сопутствовали наем «работника с конем» и аренда производственного инвентаря.

Наличие слабой обратной сопряженности между рабочим скотом на душу и арендованным посевом на душу во второй группе свидетельствует также о том, что бедняки, не имея денежных доходов от своего хозяйства, были вынуждены вкладывать в аренду деньги, полученные от вземзледельческих промыслов и продажи собственной рабочей силы. Этому есть и прямые свидетельства, полученные в результате факторно-регрессионной обработки сведений переписи. Согласно им, в малопосевной группе доля вариации результа-

тивного признака «посев на арендованной пашне», объясненная внутривладельческими факторами (доходами от своего хозяйства), не превышала 35%. Из этого вполне очевидно следует, что деньги на оплату аренды пашни бедные хозяева брали главным образом из доходов от промыслов и заработков.

Отдельные черты предпринимательской тенденции возникали лишь в хозяйстве зажиточного середняка (IV группа – с посевом от 10 до 15 дес.). Именно здесь наблюдается наличие слабой корреляции арендованного посева с рабочим скотом в расчёте на семейного работника (0,28) с количеством наемных работников на душу и с долей наемного труда (0,36 и 0,34). Вместе с тем в группе зажиточных середняков, как отмечалось, в аренде были достаточно сильны и потребительские черты. Об этом ярко свидетельствует довольно тесная обратная связь между арендой и посевом на надельной пашне (-0,73). Приведённое сопоставление силы предпринимательских и потребительских взаимосвязей свидетельствует, что у зажиточных середняков, несмотря на наличие серьезной предпринимательской тенденции, аренда в целом носила потребительский характер. Её размеры более чем на 50% определялись нехваткой надельной земли, имевшей продовольственное значение.

При изучении арендных отношений в крестьянском хозяйстве наибольшую сложность представляет оценка социально-экономической природы аренды в зажиточной группе (с посевом более 15 дес.). Это связано с присутствием в ней черт как предпринимательской, так и продовольственной аренды, соотношение между которыми обычными методиками не улавливается. «Мистический», переходный характер зажиточной аренды хорошо выявляется при сопоставлении средних душевых показателей по состоятельной группе в целом и по выделенным из нее арендующим дворам (табл. 3). Из сравнения видно, что арендующие хозяйства имеют больше посевов и менее населены, а с другой стороны, имеют меньше лошадей и, самое главное, очень слабо обеспечены надельной землей. Определить, что в зажиточной аренде сильнее, производственные или потребительские черты, разумеется, невозможно.

Средняя душевая обеспеченность тягловым скотом и посевами зажиточных хозяйств

Показатель	Зажиточные дворы	
	в целом	с арендой
Количество дворов	62	11
Население двора, чел.	8,7	7,9
Тяглогового скота на 1 душу, гол.	0,82	0,77
Своего посева на 1 душу, дес.	2,8	1,9
Арендowanego посева на 1 душу, дес.	0,2	1,3
Всего посева на 1 душу, дес.	3,0	3,2

Переходный характер аренды в зажиточном крестьянском хозяйстве значительно четче и детальнее просматривается в результатах структурного, корреляционного анализа (см. табл. 2). В самом деле, во внутреннем строе хозяйства богатого крестьянина наблюдается самое рельефное проявление взаимообусловленности между посевом на арендованной пашне и показателями производственной мощности хозяйства. Так, арендованный посев на душу довольно тесно связан с количеством рабочих лошадей на душу (0,28), посевом на всей земле (0,43) и с показателями капиталовооруженности двора – количеством рабочих лошадей и посева в расчете на семейного работника (0,42 и 0,46). Самое важное – наличие тесной взаимосвязи аренды с числом наемных работников на душу и долей наемного труда

(0,44 и 0,45). В то же время арендованный посев имеет устойчивую обратную взаимосогласованность с посевом на своей (надельной) пашне в расчете на душу (–0,34).

Ни один из предпринимательских и потребительских факторов не оказывал на уровень аренды определяющего воздействия: уровень корреляции во всех случаях ниже 0,5. Поэтому, учитывая взаимную переплетенность факторных признаков, оценить, какие из них преобладали, по итогам корреляционного исследования невозможно. Для этого следует обратиться к факторному методу, основанному на множественном регрессионном анализе. Его результаты отображены в табл. 4 и 5 в виде регрессионных моделей размеров и уровня посева на арендованной пашне.

Таблица 4

Зависимость размеров аренды (арендованного посева на двор) от различных факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на хозяйство	26,2
Семейных рабочих на хозяйство	22,6
Всего посева на семейного работника	20,9
Собственного посева на хозяйство	14,6
Суммарная роль учтенных факторов	86,2
Роль неучтенных факторов	13,8

Таблица 5

Зависимость уровня аренды (арендованного посева на душу) от различных факторов в хозяйстве зажиточного крестьянина

Факторные признаки	Удельный вес факторов, %
Рабочего скота на хозяйство	34,1
Рабочего скота на семейного работника	18,3
Посева на голову продуктивного скота	15,4
Посева на голову тяглогового скота	8,4
Собственного посева на хозяйство	9,1
Суммарная роль учтенных факторов	85,3
Роль неучтенных факторов	14,7

Как видно из табл. 4 и 5, аренда оплачивалась из денежных доходов от собственной хозяйственной деятельности. Свидетельствует об этом тот факт, что размеры и уровень аренды практически целиком (на 86,2 и 85,3%) определялись внутрихозяйственными факторами. Сразу же следует сказать, что роль потребительских черт (показатель «собственный посев на хозяйство» и определенная доля воздействия фактора «семейных рабочих на двор») была в общем невелика: 25,9% для модели размеров аренды и 9,1% для модели душевой аренды. Понятно, почему выше значение потребительских моментов в воздействии именно на подворные размеры аренды. Это результат абсолютной нехватки своей земли, низкой ее душевой обеспеченности в части арендуемых зажиточных дворов.

Преобладающее значение в воздействии на размеры и уровень аренды имели чисто производственные причины. Главную роль среди них, как об этом свидетельствуют данные табл. 4 и 5, играли размеры производственно-технической базы хозяйства, представленной показателем количества рабочих лошадей на двор (28,2 и 34,1%). Для характеристики других производственных факторов необходимо обратиться к более подробной факторной модели уровня аренды (табл. 5). В модели душевой аренды представлены следующие производственно-экономические факторы. Во-первых, это показатель капиталовооруженности и производительности труда – «рабочих лошадей на семейного работника» (18,3%) и родственные ему показатели «посева на голову тяглогового скота», который можно интер-

претировать как фактор оснащенности хозяйства усовершенствованным мертвым инвентарем (8,4%), и, во-вторых, фактор степени рыночной специализации хозяйства – «посева на голову продуктивного скота» (15,4%). В плане определения роли производственных факторов интересно и значение признака «семейных рабочих на двор» в первой модели. Действительно, факт, связанный с тем, что среди денежных доходов, шедших на увеличение абсолютных размеров аренды, доля семейного труда не имела решающей роли (22,6%), показывает определяющее значение в хозяйственных доходах и расходах овеществленного труда: хозяйственных построек, усовершенствованного и простого инвентаря, затрат на совершенствование системы земледелия и т.д.

Итак, различия в размерах и уровне аренды в зажиточной группе определялись прежде всего факторами производственно-экономической мощности хозяйства, т.е. уровень и размер аренды определялись величиной общих затрат капитала, включая затраты на рабочую силу. Это неоспоримо свидетельствует о том, что в хозяйстве зажиточного западно-сибирского крестьянина начала XX в. аренда при наличии как потребительских, так и предпринимательских черт в целом имела четко выраженную предпринимательскую природу.

Вместе с тем следует констатировать, что предпринимательство в зажиточной аренде было в тот период всего лишь преобладающей социально-экономической тенденцией, господствующим направлением ее развития, процессом превращения земельной аренды в часть предпринимательской хозяйственной системы. Указывает на это все еще относительно низкий уровень корреляции аренды с наймом и производственно-техническими показателями: тягловым скотом и посевом в расчете на работника, десятину посева и голову продуктивного скота (0,4–0,5), а также наличие в ней заметно выраженных потребительских качеств. Помимо этого, социальный анализ показал, что в рассматриваемый период в зажиточном крестьянском хозяйстве се-

мейный труд все еще преобладал над трудом наёмных рабочих. Это прямое свидетельство мелкого типа предпринимательства в земельной аренде.

В общем, в крестьянском хозяйстве Западной Сибири начала XX в. по-прежнему преобладала потребительская аренда, имевшая целью воспроизводство необходимой для внутривозвращенного и личного потребления продукции. Но в условиях бурного развития и утверждения в сибирской деревне товарно-денежной системы хозяйствования, которая эффективно дополняла и модернизировала традиционную хозяйственную культуру, социально-экономическая природа крестьянской аренды видоизменилась. Господствовавшую прежде натурально-потребительскую форму аренды сменила новая товарно-потребительская форма. В зажиточном крестьянском хозяйстве она даже переросла в мелкую предпринимательскую аренду. В целом же сибирское крестьянство продолжало опираться на традиционную хозяйственную культуру и руководствовалось в своей жизни и деятельности небуржуазной трудовой ментальностью, требовавшей создавать материальное благополучие собственным трудом. Главными целями крестьянского хозяйства по-прежнему были воспроизводство семьи, народной культуры и тягло перед государством [13].

Таким образом, сибирское крестьянство начала XX в. значительно продвинулось по пути интеграции в систему установившихся в народном хозяйстве России рыночных отношений. Это движение было, прежде всего, результатом адаптации к новым условиям производственно-технической стороны крестьянского хозяйства региона. В целом же оно впитывало хозяйственные инновации, сохраняя своё традиционное социокультурное ядро. В начале XX в. сибирское (российское) крестьянство было самостоятельным социальным и экономическим субъектом. Оно представляло собой специфически российский, небуржуазный класс мелких земледельцев, который самостоятельно и активно творил свою судьбу в условиях буржуазной модернизации страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.
2. Тюкавкин В.Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1965.
3. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1967.
4. Слепцов Е.Я. Аренда земли в старожильской деревне Западной Сибири накануне 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1990. С. 175–185.
5. Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М., 1979.
6. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 239. Оп. 16.
7. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II.
8. Обзор сельскохозяйственной жизни заселяемых районов Азиатской России за 1913 год по данным переселенческой текущей статистики. СПб., 1914.
9. Сельскохозяйственный обзор Акмолинской области за лето и осень 1913 г. Омск, 1914.
10. Сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1913 год. Томск, 1914.
11. Сельскохозяйственный обзор Тобольской губернии за 1914–1915 сельскохозяйственный год. Тобольск, 1916.
12. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века. По бюджетным данным среднечернозёмных губерний // История СССР. 1983. № 5. С. 50–81.
13. Менталитет и аграрное развитие России в XIX–XX веках. М., 1996.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2008 г.